

Eripainos

SUOMALAIS-UGRILAISEN SEURAN

AIKAKAUSKIRJA

JOURNAL

DE LA SOCIÉTÉ FINNO-UGRIENNE

87

SUOMALAIS-UGRILAINEN SEURA

HELSINKI 1997

Л. Р. КЫЗЛАСОВ (Москва)

Загадка Грустины и Серпонова, торговых городов средневековой Сибири

В “Записках о Московии” Сигизмунда Герберштейна (Вена, 1549 г.), сочинении, отличающемся большой достоверностью приведенных сведений, содержится вставной текст русского, так называемого Югорского дорожника.¹ Герберштейн заполучил дорожник в Москве, которую он посетил дважды в 1517 и 1526 г. По всей вероятности, этот путеводитель был составлен в XV в., или даже еще раньше, ибо в нем Сибирь, как название страны, еще не упоминается.² Предназначенный для русских торговых людей и написанный кем-то из бывалых купцов, путеводитель достаточно подробно рассказывает о дорогах, ведущих в дальние глубины малознакомой страны.

В “Письменных известиях о древних городах Сибири” мне уже приходилось рассматривать этот весьма ценный документ.³ В нем названы два удивительных города: Грустина и Серпонов. Оба они являлись крупными торговыми форпостами-факториями южносибирских тюркоязычных народов, сыгравшими выдающуюся роль в действовавшем в то время меридиональном торговом пути. Этот путь связывал охотников, рыбаков и оленеводов нижне- и среднеобского Севера с высокоразвитыми цивилизациями далекого Юга. В целях дальнейшего подробного изучения путеводителя мною уже отмечалось: “Города Грустина и Серпонов пока остаются загадочными. Необходимо исследовать их названия, привлекая языки разных народов и прежде всего самодийских, угорских и тюркских”.⁴

Настоящее сообщение посвящено опыту расшифровки этих непонятных названий. Напомню, что в тексте дорожника о них сказано: “От устья реки Иртыша до крепости Грустина два месяца пути, отсюда до Китайского озера по реке Оби, которая, как я [С. Герберштейн] сказал, берет свое начало из этого озера, более трех месяцев пути. От этого озера — в весьма большом числе приходят черные люди, не владеющие общепонятной речью, и приносят с собой разнообразные товары, которые покупают народы грустинцы и серпоновцы. Эти последние получили имя от крепости Серпонов в Лукоморье, лежащем на горах за рекой Обью. Рассказывают, что с людьми из Лукоморья происходят удивительные, невероятные и весьма похожие на басню (вещи): именно, говорят, будто каждый год и точно 27 ноября, в день, посвященный у русских святому Георгию, они умирают, а на следующую весну, (чаще всего) 24 апреля, оживают наподобие лягушек снова. Народы грустинцы и серпоновцы ведут с ними необыкновенную и

невиданную нигде более торговлю. Когда наступает время, установленное для их умирания или засыпания, они складывают товары на определенном месте; грустинцы и серпоновцы уносят их, оставив меж тем свои товары по справедливому обмену”.⁵

По всем расчетам Грустина располагалась на Средней Оби, выше впадения в нее р. Чулыма,⁶ примерно на широте около 57°. Что касается Серпонова, то он находился на северном склоне широтно расположенного хребта Сибирские увалы (“Лукоморские горы”), вблизи впадения в Обь реки Казыма (манс. Касум), т.е. на широте около 63°. Сообщались города Грустина и Серпонов в основном речным путем по р. Оби.

Так действовал меридиональный международный торговый путь, связывавший по Оби самоедско-угорский север с далеким югом. Но с кем именно? Что за названия — Грустина и Серпонов?

Спустя 100–150 лет западноевропейские эпигоны Герберштейна по своему излагали наш источник. Например, Яков Рейтенфельс (1672–1673 гг.) писал: “Прибавь (читатель) к названным еще область Лукоморье, с которою граничат дружеские с русским народом грустинцы и серпоновцы, живущие близ Китайского озера, из которого вытекает Обь, и которым индийцы привозят на продажу разные товары и драгоценные камни. Лукоморцы, по образцу самоедов, спускаются зимою на жительство внутрь земли, а раннею весною снова выходят на солнечный свет...”.⁷

По догадке некоторых авторов грустинцы это гаустинцы (яуштинцы), которых путешествовавший по Сибири Ф. И. Страленберг нашел в 1721 г. живущими возле Томска. Он несколько раз упоминает их в своем путевом дневнике, а также в книге, изданной в Стокгольме в 1730 г.⁸ В переводе этой книги, сделанном по выходе ее В. Н. Татищевым, упоминаются как “гаустинцы”, так и “гаушту” или “гауштинцы”. О них сказано: “...остатки сих гауштинских народов обитают в нескольких кибитках возле Томска числом около 200 или 300 человек, как идолопоклонники, употребляют же такие бубны или барабаны, как лопари и остяки. Сказывали же мне, аки б они старинные сибирские жители...”.⁹

Эта небольшая тюркоязычная этническая группа дожила среди “томских татар” до современности под именем йаушталар (по-русски зуштинцев).¹⁰ В связи с развитием их языка выпадение в самоназвании начального звука *г* вполне закономерно, также, как и переход *с* в *ш*. Дело в том, что в настоящее время у восточных тюрков исчезли слова, начинающиеся со звука *г*.

Обсуждая сведения “Югорского дорожника”, еще А. Х. Лерберг в начале XIX века, опираясь на упоминания Страленберга о “гауштинцах” и Г. Ф. Миллера о “евштинцах”, одним из первых писал: “Мнение наше, что сии Еуштинцы или Гаустинцы суть Грустинцы, подтверждается тем, что мы здесь находимся в такой области, которая некогда не токмо в Сибири, но и у южных азиатцев была в великой славе, по хорошему состоянию жителей

онья”.¹¹ Хотя с тех пор прошло 175 лет, но мнение А. Х. Лерберга по прежнему осталось наиболее вероятным,¹² если не сказать — наиболее точным.

Представляется перспективным и своевременным обратить внимание историков на самоназвание самого южного из городов восточнотуркестанских оазисов — Хотана. С древности населенный индоевропейцами, он первоначально назывался своими жителями Гостана — “Грудь земли”. Близко расположенное к Индии, население Хотана рано восприняло буддизм и, судя по целому ряду буддийских санскритских документов, стало называть свою землю Гаустана — “Грудь земли”.¹³

Очевидно, именно хотанские купцы (среди которых были и индусы) еще в VIII–X вв., в период существования позднего хотано-сакского языка, установили прямые и постоянные торговые связи с Южной Сибирью.

В то время мощное Древнехакасское государство не только распространило свою власть на всю Южную Сибирь, но его войска в 841–842 гг., преследуя уйгуров, вторглись в Восточный Туркестан и в марте 843 г. захватили города Бешбалык и Кучу, дойдя до Кашгара.¹⁴

Предполагаем, что хотанские купцы — индоевропейцы (“черные люди, не владеющие общепонятной речью”) и тюркоязычные правители хакасов создали на договорных началах крупную торговую факторию. Ее разместили на важном перекрестке водных и сухопутных путей — там, где вблизи Оби сходились излучины Томи и Чулыма. Хотанские купцы в память о родине своей, прозвали новую торговую крепость “Гаустана”, местные тюрки воспроизвели на свой лад “Гаустина”, а тосковавшие по далекой в ту пору родине русские торговцы восприняли чужое (“не общепонятное”) название, как “Грустина”. Так на юге Сибири появился собственный “Хотан” — центр международной торговли и перевалочная база для диковинных южных товаров, меняемых на драгоценную пушнину, мамонтовые бивни, мускус и другие товары.¹⁵ Описанная ситуация подтверждается обнаруженным томскими археологами скоплением древнехакасских курганных кладбищ X–XIV и более поздних веков в ближайшей излучине Чулыма. Точнее — в приустьевых пространствах левых его притоков: рек Яи, Кии и Чети,¹⁶ текущих из Хакасии. Непосредственно в районе современного Томска имеются и более ранние древнехакасские могилы IX–X вв. (Архирейская заимка и др.).¹⁷ Нет сомнения, что на протяжении многих столетий в междуречьи среднего течения Чулыма и в низовьях Томи жила большая группа средневековых хакасов. Очевидно, это они, — торговцы, воины и земледельцы, — вели обслуживание северного отрезка международного торгового пути, его охрану и административное управление всем районом.

В китайских хрониках X–XI вв. прямо указано, что хакасские охранные отряды постоянно сопровождали торговые караваны среднеазиатских, восточнотуркестанских и тибетских купцов в их долгом пути на Енисей. При этом местом встречи караванов из Хотана для хакасских воинов

являлось Семиречье — страна карлуков.¹⁸ Оттуда купеческий караван сопровождался воинским отрядом, вероятно, до самой Гаустины.

Современные томские татары — гаустинцы (яуштинцы), по-видимому, представляют собою потомков былых гаустинских подданных. Еще в начале XVII в. их “князь Тоян со всеми своими тоянцы” продолжал сохранять даннические обязательства по отношению к хакасским князьям из рода Хыргыс. Гаустинцы были “лучшие холопы” кыргызов.

Об этом рассказал сам князь Тоян, приехавший в конце зимы 1603 г. в Москву, на аудиенции у царя Бориса Годунова в январе 1604 г. Тяготясь воинскою слабостью, Тоян бил царю челом “пожаловати велети ему быти под царскою высокою рукою и велели бы в вотчине его в Томи поставити город. А место де в Томи угоже и пашенных людей устроити мочно, а ясачных де у него людей триста человек. И как де город поставят и те де все ясачные люди придут к нашему царскому величеству и ясак учнут платити”.¹⁹

Нельзя не обратить внимание читателей на одно любопытное совпадение. В записках монгольского посла середины XIII в. отмечено, что кыргызы на Енисее для езды по снегу применяют сани, запряженные собаками.²⁰ Это известие, вероятно, относится к северным районам Древнехакасского государства, где сборщикам податей (албана) или торговым людям приходилось путешествовать в зимний период по бездорожью. Но А. Ф. Миддендорф в начале XVIII в. сообщил, что “даже по большой столбовой дороге около Томска летом ездили на лошадях, а зимою на собаках”.²¹ И вот оказалось, что именно яуштинцы сохранили до современности не только развитой лыжный ход на подшитых камусом лыжах, но и зимнюю езду на санях с собачьими упряжками.²²

Можно было бы привести еще многое в пользу высказанного уточнения местоположения “крепости Грустины”, можно также подробнее раскрыть значение Гаустины, как крупной торговой фактории аборигенов Сибири на Великом пушном пути, ведущем в Среднюю Азию, Иран, Восточный Туркестан, Индию и Китай. Конечно, нужно рассказать и об археологических свидетельствах традиционного восточнотуркестанского импорта различных товаров, ввозимых в Сибирь, начиная со скифского времени. Но все это темы для самостоятельных особых исследований.

В настоящей статье необходимо попытаться раскрыть и название второго города, упоминаемого в Югорском дорожнике в паре с Грустиной. Это — “крепость Серпонов”. В цитированном выше тексте сказано, что серпоновцы “получили имя от крепости Серпонов в Лукоморье, лежащем на горах за рекой Обью”. При этом совсем не упомянут берег Ледовитого океана. Лукоморье располагалось вдоль правого берега Обской губы (ширина которой, как свидетельствует дорожник, “столь широка, что тянется почти на восемьдесят верст”) и вверх по Оби. А Лукоморские горы — это

широотно расположенная возвышенность, называемая ныне Сибирские увалы. Других гор на правом берегу Оби и Обской губы просто нет.²³

В источнике сказано: “Река Коссин вытекает из Лукоморских гор; при ее устье находится крепость Коссин, которой некогда владел князь Венца, а ныне его сыновья. До этих мест от истоков большой реки Коссин два месяца пути. От истоков той же реки начинается другая река Кассима, и, протекая через Лукоморье, она впадает в большую реку Тахнин...”²⁴ А ведь именно с Сибирских увалов берет начало правый приток Оби река Казым (Касум по-мансийски),²⁵ которая у Герберштейна названа Коссин. При устье Казыма, напротив Березова, и стояла крепость Казым (Коссин) князя Венцы. Из одного места с Казымом (Касумом) протекает в Обскую губу река Надым (Кассима), а на юг — правые притоки Оби реки Тром-Юган и Пим.²⁶

Некоторое несоответствие в восприятии исследователями труда С. Герберштейна самого термина “Лукоморье” проистекает из-за того, что автор Югорского дорожника (при составлении этой кальки “Лукоморье”) недопонял того смысла, который, в данном случае, вкладывали в географию местности самодийские и угроязычные аборигены Севера. Дело в том, что ханты и манси, например, называют море Ас (Ась). Но совершенно так же они называют и Обскую губу и саму р. Обь — Ас. В этот термин вкладывается смысл: “большая река” — “большая вода”.²⁷ А там же живущие самодийцы (ненцы) на своем языке одинаково именуют, — “Ям”, и море и вообще всю р. Обь. Ненцы всякую большую реку называют “ям”. Например, упомянутую выше р. Надым ненцы зовут Нати-ям.²⁸ Это обстоятельство позволяет осознать насколько трудно было русскому путешественнику XII—XV вв. определить где, по мнению сибирских аборигенов, кончался берег “большой реки” и начиналось “Лукоморье”.

Оттого-то местонахождение самой северной фактории было указано в Югорском дорожнике весьма неопределенно: “крепость Серпонов в Лукоморье, лежащем на горах за рекой Обью”. Итак, прошлые торговые люди, “грустинцы и серпоновцы”, перекупив в Гаустине-Грустине товары, доставленные “черными людьми” с далекого юга, ездили на дальний север в Самоедщину, где на правом берегу Оби стоял на горах Серпонов. Там-то и приобретался купцами самый важный и лучший товар — драгоценная пушнина, совершенно отсутствующая в южных странах.

Непонятное название северной торговой фактории, вероятно, может быть расшифровано с помощью самодийского же языка, на котором искони общались между собою обитатели правобережья Нижней Оби. Обращение к этому языку, как кажется, удовлетворительно решает нашу проблему.

По-самодийски “Серпонс” — означает “белый чужеземец” (“сер” — белый, “понс” — чужой/приезжий/странный/инстранный).²⁹ Следовательно, местное население назвало сооруженную приезжими укрепленную

факторию “Крепостью белых чужеземцев”, что и было адаптировано русскими, как крепость Серпонов. “Белыми чужеземцами”, как для северян, так и для южан, в средневековый период, как известно, являлись жители Древнехакасского государства. Например, арабский географ начала XIV в. ал-Омари, со слов купцов-очевидцев, сообщает о живущих “в землях Сибирских и Чулыманских [т.е. Причулымских]” людях: “Нет ... красивее их телом и лучше их по белизне. Фигуры их совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести; глаза у них голубые”.

Этот египетский географ и историк был отлично информирован о внутренней сибирской торговле своего времени. Данные ал-Омари, приведенные в его труде “Пути взоров по государствам разных стран”, полностью совпадают со сведениями русского Югорского дорожника, “Купцы наших стран, — пишет он, — не забираются дальше города Булгара; но купцы болгарские ездят до Чулымана [т.е. в Причулымье], а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера”.³⁰

Здесь для нас важно не столько сообщение о наездах на Чулым караванов волжско-булгарских купцов, сколько регулярные поездки причулымских (хакасских) купцов в Югру, “на окраину Севера”. Автор к этому прибавляет: “за Чулыманом границы владений Сибири и Ибири прикасаются земель хатайских”, т.е. Китая.

Несомненно, что указанные здесь “купцы чулыманские” это и есть хакасские гаустинцы и серпоновцы, поддерживавшие между собою постоянное сообщение. Однако, сведения ал-Омари относятся к началу XIV в. (он умер в Дамаске в 1348 г.)³¹ и, следовательно, они или одновременны сведениям Югорского дорожника (выше уже отмечалось, что этот документ еще не знает названия страны Сибирь) или же русский дорожник подтверждает и развивает данные о давнем существовании международного торгового пути по обскому меридиану. Естественно, что после завоевания монголами в 1236 г. Волжско-Камского Булгарского государства и создания Золотой Орды, приезды в Гаустину булгарских купцов за южными товарами сократились и значение широтного торгового пути из Западной Европы через страну хакасов в Китай, о котором также писал ал-Омари, уменьшилось.³²

Нельзя не добавить, что у средневековых хакасов были и другие подтаежные города-фактории, развивавшие торговлю с северными лесными охотническо-рыболовческими народами. Наиболее близким к Гаустине был богатый город Кикас, расположенный на Енисее, при впадении в него справа р. Ангары. О нем сообщает известный историк XIV в. Рашид-ад-дин: “Ангара назодится вблизи города по имени Кикас и в том месте, где она и река Кэм сливаются вместе. Город тот принадлежит к области киргизов... Повсюду (там) серебро... все инструменты и посуда (у населения) из серебра”.³³

Очевидно, что и в эпоху монгольского засилья в XIII–XIV вв., сменявшие друг друга монгольские властители не препятствовали хакасским

торговым людям развивать взаимовыгодные товарные операции и с северными, и с южными странами.³⁴

Перед сибирскими археологами ныне возникает задача большой важности и немалой сложности — разыскать и исследовать остатки обозначенных в настоящей статье средневековых городов-факторий Гаустины, Серпонова и Кикаса.

Примечания

- 1 Герберштейн 1988: 156–161.
- 2 В русских хрониках термин “Сибирь” впервые упомянут под 1406 г. (сказано: “в Сибирской земли”) — Лимонов 1967: 116.
- 3 Кызласов 1992: 40–44.
- 4 Кызласов 1992: 33.
- 5 Герберштейн 1988: 157–160. Ошибку о Китайском озере поправил в 1690 г. побывавший в России Георг Адам Шлейсинг: “Знаменитейшая река всей Сибири — это Обь, которая течет вовсе не из стоячего озера, находящегося в Китае, по совершенно ошибочному мнению некоторых географов, и не из татарской страны, называемой Тюменью, а из большого стоячего озера в Калмыцкой Татарии, пробегает всю Сибирь...” — см. Алексеев 1936: 121.
- 6 Кызласов 1994.
- 7 Алексеев 1936: 24.
- 8 Messerschmidt 1962: 83, 93, 152, 357; Strahlenberg 1730.
- 9 Записки Страленберга 45, 164; ср. Андреев 1965: 42–43.
- 10 Бояршинова 1950: 34, 116, 200; Ср. Томилов 1981: 183–201.
- 11 Алексеев 1932: 109.
- 12 Герберштейн 1988: 335, прим. 554.
- 13 Восточный Туркестан 41–42.
- 14 Кызласов 1984: 74–75.
- 15 Кызласов 1969: 119–121; 1984: 109–116.
- 16 Беликова 1992: 13–19. Городища остаются неисследованными.
- 17 Плетнева 1987: 99; 1994: 169.
- 18 Кюнер 1951: 11; Кызласов 1984: 109–116.
- 19 Бахрушин 1955: 180; Бояршинова & Голишева 1970: 202–209.
- 20 Кюнер 1954: 137; Кызласов 1984: 154.
- 21 Миддендорф 1869: 534.
- 22 Томилов 1980: 53–55.
- 23 Атлас СССР № 59–60.
- 24 Герберштейн 1988: 157–161.
- 25 Баландин & Вахрушева 1958: 35.
- 26 Атлас СССР № 59–60.
- 27 Паллас 1790: 109; Ahlqvist 1890: 66. Ср. Кызласов 1960: 168–169.
- 28 Матвеев 1994: 104.
- 29 Jap̄hunen 1977: 40, 127, 138.
- 30 Тизенгаузен 1884: 215, 236, 238. Ср. Кызласов 1984: 121, 152.
- 31 Тизенгаузен 1884: 236–240.
- 32 Кызласов 1984: 117–121.
- 33 Рашид-ад-дин 1952: 102.
- 34 Кызласов 1984: 112–123; 1963.

Источники

- Алексеев, М. П. 1932. *Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. I: XIII–XVII вв.* Иркутск.
 — 1936. *Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. I, часть 2: 2-я половина XVII века.* Иркутск.

- Альквист = Ahlqvist, A. 1890. *Ueber die Sprache der Nord-ostjaken*. Helsingfors.
- Андреев, А. И. 1965. *Очерки по источниковедению Сибири. 2: XVIII в. (первая половина)*. Москва & Ленинград.
- Атлас СССР = *Атлас СССР*. Москва 1954.
- Беликова, О. Б. 1992. О длительности пребывания кыргызов на Среднем Чулыме. — *Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии)*. Омск.
- Баландин, А. Н. & Вахрушева М. П. 1958. *Мансийско-русский словарь*. Ленинград.
- Бахрушин, С. В. 1955. Енисейские киргизы в XVII в. — *Научные труды* III, 2. Москва.
- Бояршинова, З. Я. 1950. Население Томского уезда в первой половине XVII века. — *Труды Томского государственного университета* 112. Томск.
- Бояршинова, З. Я. & Голишева, А. И. 1970. Первый документ о строительстве русского города на берегу Томи. — *Из истории Сибири* 1. Томск.
- Восточный Туркестан = *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии*. Москва 1992.
- Герберштейн, С. 1988. *Записки о Московии*. Под ред. В. Л. Янина. Москва.
- Записки Страленберга = *Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. 1: Северная и Восточная часть Европы и Азии*. Москва & Ленинград 1985.
- Кызласов, Л. Р. 1960. *Тагтыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины*. Москва.
- 1963. Памятник мусульманского средневековья в Туве. — *Советская археология* № 2.
- 1969. *История Тувы в средние века*. Москва.
- 1984. *История Южной Сибири в средние века*. Москва.
- 1992. *Письменные известия о древних городах Сибири*. Москва.
- 1994. Грустина — торговая фактория сибирских аборигенов (кон. XV — нач. XVII в.). — *Сургут, Сибирь, Россия*. Тезисы докладов. Екатеринбург.
- Кюннер, Н. В. 1951. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII-VIII вв. н.э. — *Записки Хакасского научно-исследовательского института языков, литературы и истории* 2. Абакан.
- 1954. Китайские историки-летописцы о хакасах. — *Записки Хакасского научно-исследовательского института языков, литературы и истории* 3. Абакан.
- Лимонов, Ю. А. 1967. Первое упоминание о Сибири в русских источниках. — *Известия Сибирского отделения АН СССР, № 1. Серия общественных наук*, вып. 1. Новосибирск.
- Матвеев, А. К. 1994. Гидронимический ареал на -им, -ым на правом берегу Оби и некоторые вопросы древней истории народов Западной Сибири. — *Сургут, Сибирь, Россия*. Тезисы докладов. Екатеринбург.
- Мессершмидт = Messerschmidt, D. G. 1962. *Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727* 1. Berlin.
- Миддендорф, А. Ф. 1869. *Путешествие на север и восток Сибири* 2. Санкт-Петербург.
- Паллас, П. С. 1790. *Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный*. I: А–Д. Санкт-Петербург.
- Плетнева, Л. М. 1987. Взаимодействие культур в период тюркизации в Томском Приобье. — *Смена культур и миграции в Западной Сибири*. Томск.
- 1994. Предметы северного импорта в Томском Приобье XI–XIV вв. — *Сургут, Сибирь, Россия*. Тезисы докладов. Екатеринбург.
- Рашид-ад-дин 1952. *Сборник летописей* I, кн. 1. Москва & Ленинград.
- Страленберг = Strahlenberg, Ph. J. von 1730. *Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm.
- Тизенгаузен, В. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды* 1. Санкт-Петербург.
- Томилов, Н. А. 1980. *Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья*. Томск.
- 1981. *Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в.* Томск.
- Янхунен = Janhunen, J. 1977. *Samojedischer Wortschatz*. Helsinki.

La *Société Finno-Ougrienne*, fondée en 1883, est une organisation scientifique finlandaise, qui a une orientation internationale. La Société a pour objet de promouvoir l'étude des langues et des cultures de l'Eurasie septentrionale dans une perspective multidisciplinaire. Une des activités principales de la Société est la publication des derniers résultats de recherche.

Le *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, publié depuis 1886, est la revue périodique internationale de la Société, contenant des conférences présentées aux séances de la Société, de même que d'autres articles, communications, matériaux et informations sur des événements d'actualité. Les articles et autres contributions sont acceptés pour publication par la Rédaction du Journal, nommée par le Bureau de la Société.

Pour manuscrits et demandes de renseignements, s'adresser à:

Rédaction du Journal
de la Société Finno-Ougrienne
Suomalais-Ugrilainen Seura
B.P. 320 • 00171 Helsinki
Finlande